

Иногда нужно потерять привычное,
чтобы понять, что было твоим настоящим делом

РЫНОК У МОРЯ

ИСТОРИИ, КОТОРЫЕ
МЕНЯЮТ ЖИЗНЬ

Валерия Большакова

Рынок у моря

<https://litres.ru/74373469>

SelfPub; 2026

Аннотация

Что остается от человека, когда он теряет дело, которому посвятил всю жизнь?

Константин Корниенко сорок лет проработал журналистом. Он любил свою газету, собирал истории людей и верил, что хорошие тексты способны что-то изменить. Но газета закрылась, и вместе с ней исчезло дело, которое Константин считал смыслом своей жизни.

Однажды он отправляется на рынок за продуктами и теряется в тумане. Только этот рынок совсем не похож на тот, который он знает. Среди пустых улиц ему встречаются люди, каждый из которых что-то потерял: любимого человека, здоровье, прежнюю жизнь. Но каждый нашел способ продолжать жить и делиться с другими тем, что у него осталось.

Чтобы выбраться из тумана, Константину придется сначала разобраться в том, где он потерялся на самом деле — в незнакомом городе или в собственной жизни.

Содержание

Закрытие газеты	4
Лампа с цветами	8
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Валерия Большакова

Рынок у моря

Заккрытие газеты

На столе лежали выпуски газеты 2008 года. Там были новости о затруднениях движения из-за снегопада и грязи. Были и другие, такие же скучные: об очередном заседании думы, где решали вопросы парковок, ценах на продукты и мест в детских садах. А еще — заметка про закладку первого камня монумента «Первым подводникам Тихоокеанского флота».

Но, пожалуй, главным материалом стало интервью с врачом, который сумел провести двадцатичетырехчасовую операцию и спасти человека. Этот герой помог уже сотням, хотя ему было чуть за тридцать. На интервью он много улыбался, шутил и рассказывал разные истории из больницы. Был весел, будто вовсе и не хирург, будто не стоит на дежурствах и не чувствует себя виноватым, что почти не видит дочь. Многие чем-то жертвуют ради работы, величия или простого заработка. Но интервью получилось хорошее. Многие его помнят до сих пор.

Да, эта газета подарила много хороших историй. Как там описывали те же прибытия кораблей или спасения из пожа-

ров. Это были настоящие сюжеты. Люди читали взахлеб и даже писали в редакцию, что будто не репортаж прочитали, а посмотрели кино. Так все было написано. Умели раньше вложить душу в текст, наполнить историю чем-то полезным и цепляющим. А сейчас всем некогда. Некогда посидеть пару минут вместе с родными и прочитать хорошую историю. Все торопятся, всем нейдет. Сейчас лишь бы написать быстрее остальных, а что и как — неважно.

Я перестал понимать это уже давно.

Мы в газете держались в основном за счет государства, и у нас оставалось некоторое количество постоянных читателей. Но в последние полгода это уже не особо помогало. Хоть и чувствовали, что наш корабль тонет, но относились к этому спокойно. В редакции создали сайт, и руководство уверяло, что мы справимся за счет трафика. Не справились.

Вчера газету закрыли. И мы все стали не нужны. Журналисты с сорокалетним стажем, которые могли достучаться до сердец людей, рассказывали самые важные для города истории и помогали власти услышать народ, стали не нужны.

Жена уверяла:

— "Такого волка, как ты, Кирилл, точно возьмут на работу".

А куда идти? В очередную газету, которую тоже закроют через пару месяцев?

Казалось бы, могу пойти в любое СМИ. Но возраст все-таки дает о себе знать. Я уже не тот молодой парнишка с

кудрявыми волосами, который бегал по забегам, попутно беря интервью, или ездил с ночевкой в лес на несколько дней, чтобы показать самые дикие места края. Я обычный мужчина, который умеет писать. И только.

Это утро начиналось как обычно. Людка привычно, в спешке, налила мне чай, положила вафли и конфеты «Птичье молоко», а потом пошла прихорашиваться. Она всегда у меня была красоткой. Помню, когда она еще в институте на каблуках подбегала ко мне, останавливалась, переводя дыхание, потом поджимала губы и подходила ближе. Она всегда смотрела мне в глаза, хитро улыбалась, а потом шептала на ухо, во сколько ее встречать. И убегала к подругам. Она и сейчас такая же активная и бодрая.

Она надела темно-синее платье с коротким рукавом, взяла свою черную сумочку с какими-то непонятными узорами и попрощалась. Обычно мы вместе уходили из дома, но я шел в редакцию, а она — на хлебозавод. Она гордилась своей работой, но никогда не говорила, что любит ее. А вот я частенько так говорил про свою, особенно внукам.

Они пока еще не знают, что случилось. Да и, наверное, пока не поймут — маленькие еще. Они шустро управляют с телефонами и компьютерами. Вряд ли поймут, что мне легче с листом бумаги и ручкой. Сейчас все делают в заметках, а я любил распечатывать листы и прямо на них править. Так привык.

Когда жена ушла, я остался сидеть за столом. И чем за-

няться теперь?

Люда сказала подождать недельку, чтобы я успел прийти в себя. Она знала, как мне дорога эта работа. Но я был не намерен сидеть на месте. Не в моем это характере.

Я решил быть полезным хотя бы дома, если не могу быть таковым обществу. Прибирать было нечего, и я решил сходить на рынок, купить продукты и приготовить наш любимый с женой ужин — пасту с томатами.

Когда мы только съехались, она научила меня ее готовить. Мы часто готовили вместе. Конечно, у меня получалось хуже, чем у нее. Но я старался не сильно отставать. Помню, вечерами, когда мы готовили, она напевала свои любимые песни. Музыкальный вкус у нас разный, но мне нравилось слушать, как она поет. Она не была певицей и все время фальшивила, но мне нравилось, как искренне она это делала.

Сейчас мы стали спокойнее и таких танцев уже не устраиваем, поэтому я иногда скучаю по тому времени. Хотя иногда, когда она вяжет или читает, потихоньку подпевает до сих пор.

До ее прихода надо было успеть все купить, приготовить, а потом помыть посуду. Сейчас я уже делаю все медленнее, поэтому боялся, что это займет весь день. Нужно было придумать что-то еще, но не смог. Стирать было нечего, а идти куда-то еще желания не было.

Лампа с цветами

Во Владивостоке сегодня было туманно и слегка прохладно, но такая погода всегда подходила этому городу. Именно таким был мой первый день здесь, когда в восемнадцать лет я переехал сюда учиться. Как давно это было. Но город в моих глазах изменился не сильно, разве что центр.

Я навсегда запомнил его спокойным, тихим, туманным и загадочным. Мне нравится идти мимо фонарей голубоватого оттенка и трехэтажных кирпичных домиков. Нравится будто пробираться к чему-то неизвестному, хотя все эти улицы я знаю наизусть. У меня появляется детское чувство: вот еще пару шагов — и я окажусь уже не на Некрасовской, а в новом мире.

Наверное, эта детская фантазия останется со мной навсегда. Она часто помогала мне в писательстве, хотя иногда приходилось себя останавливать. Зато я мог разгуляться, когда придумывал сказки для внуков. Вот бы почаще им их рассказывать.

Рынок сегодня был почти пустой. Хотя я и не знаю, какой он обычно днем — раньше я всегда был на работе в это время. Шум машин становился все тише, чем глубже я заходил внутрь. Для пасты нужно совсем немного продуктов, да и тяжелый пакет я уже не донесу. И все подряд тоже не беру. Так что я неторопливо шел вдоль лавок, рассматривая

каждый продукт.

Продавцы будто тоже изменились за эти годы. Раньше все открыто предлагали товар, рассказывали о нем, буквально отдавали тебе все самое лучшее. А сейчас молча ждут, пока ты наконец выберешь нужные продукты. Раньше и продавцы были добрее, и сок вкуснее. На этом рынке я не был давно. Обычно заезжал за продуктами по дороге домой после работы или их покупала жена, так что я уже и подзабыл, что здесь и где.

Пока я внимательно рассматривал чеснок, шум совсем стих. Тишина стала настолько оглушительной, что не заметить этого было невозможно. Я отвлекся от продуктов и оглянулся. Прилавки были пустыми. Людей не было. Сначала я даже не придал этому значения. Ну мало ли. Потом пошел дальше и понял, что волнение становится все сильнее. Я будто ходил кругами.

Я точно знал, что рынок здесь устроен просто, как города в центре России: прямые улицы и все пересечения строго перпендикулярны. Но вот я начинаю идти к выходу, насколько помню, а повороты становятся плавными и почти незаметными.

И вот я снова здесь. Возле этого дурацкого прилавка с чесноком. Его невозможно перепутать. Деревянные коробки для овощей, красный стул продавца и магазин в желтых оттенках. Не самый удачный цвет. Что же такое... Я решил идти прямо, без единого поворота. Куда-нибудь точно выйду.

Выбрал дорожку справа — почему-то так было спокойнее. Начал идти. И только теперь понял, что людей нет совсем. Ни продавцов. Ни стариков. Ни шаловливых детей. И снова дорога начинает плавно изгибаться.

Другого пути нет. Не напролом же идти. И тут я увидел свет. Необычный. Он постепенно проступал сквозь туман, становясь все ярче. Передо мной медленно открылось настоящее чудо. Маленький магазинчик с лампами самых разных цветов и размеров.

Он выглядел так, будто сошел со страниц сказки. Через витрину я увидел зеленую лампу в виде цветка. Круглая основа была украшена тонкими завитками. Посередине — большой белый цветок, мягко излучающий теплый свет. Вокруг него распустились пять светящихся роз.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.